

«Когда собьют меня машина...»

Об Александре Аркадьевиче Галиче вспоминает его дочь Алена

Алина КУДЕЛИНСКАЯ,
для «Новых Известий»

*«Когда-нибудь дошлый историк
Возьмет и напишет про нас,
И будет насмешливо горек
Его непоспешный рассказ...»*

Прошло 25 лет и пройдет, может быть, еще 25, и историки действительно напишут горький рассказ о том времени, когда исключали и восстанавливали, изгоняли и возвращали посмертно...

*«Когда я вернусь,
Я войду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно
соперничать небо.
И ладана запах, как запах
приютского хлеба,
Ударит в меня и затеплится
в сердце моем.»*

В 1993 году поэту, драматургу, актеру Александру Галичу было возвращено гражданство, а 25 апреля 2002 года, спустя 25 лет после гибели, он «вернулся в свой дом», но только бронзовым барельефом на маленьком кусочке стены. Судя по всему, пока он достоин только такой участи. Но история, почитатели его творчества, дочь все расставят на свои места. Однако на это уйдут годы, потому что память нынче — дело дорогое. А ведь его стихи, песни — это и есть история нашей страны, советской культуры. «Мы теряем культуру, а это означает потерю нации», — говорит дочь поэта Алена Архангельская-Галич.

Александр Галич торопился жить, спешил все успеть, точно чувствовал, что недолог его век на земле. Огромное количество песен, пьес, сценариев... Давайте вспомним хотя бы некоторые из них — «Вас вызывает Таймыр», «Верные друзья», «Сердце бьется вновь», «Трижды воскресший», «На семи ветрах», «Дайте жалобную книгу», «Бегущая по волнам» (по мотивам романа А. Грина) и так далее. Концерты, фестивали бардовской песни...

Фестиваль «Бард-68» в новосибирском Академгородке. Триумф и трагедия рядом. Горком, обком и все прочее начальство приехало, чтобы устроить obstruction. Галич спел песню «Памяти Пастернака», аплодисментов не было, зал просто встал. Были исполнены песни «Ошибка» и «Караганда». Награда — серебряная копия пера А. С. Пушкина и Почетная грамота Сибирского отделения Академии наук СССР: «Ваше творчество предвосхищает и подготавливает грядущее нашей Родины... Мы восхищаемся не только Вашим талантом, но и Вашим мужеством». А в 1971 году, и надо же так само случиться, хотя раньше ли, позже ли, актер Театра на Таганке Иван Дыховичный женится на дочери члена Политбюро ЦК КПСС Дмитрия Полянского, на даче которого и происходит свадьба. Друзья жениха включили запись песен Александра Галича, а вскоре Д. Полянский ставит вопрос о Галиче на заседании СП. «...Я осужден на литературную смерть, на молчание. Меня исключили втихомолку, исподтишка. Я писал свои песни не из злопыхательства, не из желания выдать белое за черное, не из стремления угодить кому-то на Западе. Я говорю о том, что болит у всех и у каждого, здесь, в нашей стране, говорил открыто и резко. Что же теперь мне делать?». И далее... «Я жив. У меня отняты литературные права, но остались обязанности — сочинять свои песни и петь их». Это фрагмент письма, которое было опубликовано в сентябре 1988 г. в газете «Вечерняя Москва».

Осенью 1967 года в стране шла подготовка к празднованию 50-летия Октябрьской революции. Один из сотрудников КГБ предупредил Галича об опасности и посоветовал вообще не появляться на улицах Москвы. Александр Аркадьевич пишет как бы в ответ этому песню «Когда собьют меня машина...». Друг, главный врач одной из клиник, предложил Галичу «полежать» месяц на больничной койке в обшей палате.

— Алена, как Александр Аркадьевич отнесся к таким предупреждениям, предполагал ли он, чем все это закончится?

— Незадолго до папиной гибели в феврале 1977 г. бабушка получила письмо без штемпеля, где были приклеены вырезанные типографские буквы «Вашего сына Александра хотят убить». Это было ужасно, но как-то не очень в это верилось. Мы постоянно общались с папой по телефону, и он даже надеялся, что нас с бабушкой выпустят к нему в Париж.

— У вас твердое убеждение, что смерть отца это не случайность, а преднамеренная акция? Есть какие-то факты, которые это подтверждают?

— Совсем недавно выяснилось из достоверных источников, что все это имело место быть, поскольку папа к тому же отказался работать на спецслужбе. В связи со своей работой на Радио «Свобода»

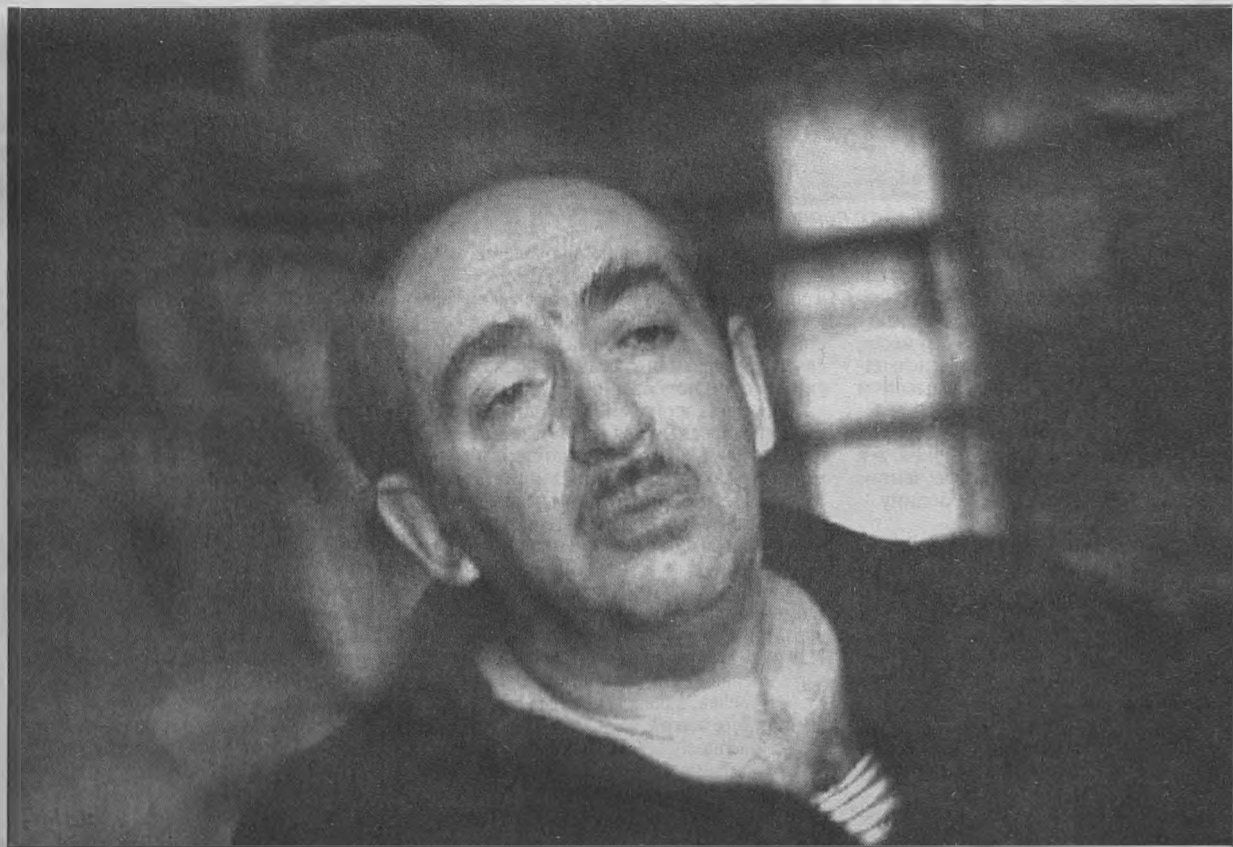

ФОТО ИЗ АРХИВА

папа должен был прослушивать радиопередачи, причем через антенну, поскольку напряжение маленькое, слышимость плохая. И уж очень неестественной, как бы специально сделанной, была его поза, в которой он лежал. Папиной жены Ангелины Николаевны не было 15 минут, она уходила в магазин за сигаретами. А вернувшись, обнаружила его с зажатыми в руках усами антенны, которая была включена в сеть, а ноги упирались в отопительную батарею. И при этом напряжение было совсем небольшим. Следствие продолжалось неделю, а потом Ангелине Николаевне заявили — или следствие продолжится дальше, и она лишится ренты, квартиры, либо она соглашается с тем, что это несчастный случай от электрического тока, и все остается по-прежнему, а дело закрывается».

Что оставалось делать бедной женщине?.. Она вынуждена была согласиться.

— Алена, когда вы поняли, что отец — это личность?

— Поздно, мне было уже 26 лет. Для меня он всегда был прежде всего отцом, абсолютным домашним человеком. Когда мне впервые сказали, что у него замечательные песни, это не произвело на меня впечатления — «а почему они должны быть иными...». Их острота до меня дошла гораздо позже, когда я однажды стала разбирать папин архив и нашла листочек, а на нем «Памяти Живаго»:

«И вновь над Москвою пожары / И грязная наледь в крови. / Но это уже не татары — / Похуже татаров — свои...»

Я как-то очень хорошо вдруг все это себе представила в тот миг и как бы прозрела. Бабушка, увидев выражение моего лица, сказала: «Я тебя умоляю, никому не показывай...». И вот тогда я поняла, что это не только папа, это личность.

В 1973 году Александр Аркадьевич получает приглашение из Норвегии для участия в семинаре, посвященном творческому наследию К. С. Станиславского. Вместо этого КГБ «предложило» ему выехать в Израиль, но Галич отстоял Норвегию. В какой бы стране мира он потом ни жил, 1—2 раза в неделю на Радио «Свобода» выходила передача «У микрофона Галич», всего их было 157, о жизни и творчестве классиков русской и советской культуры. И все также концерты, сценарии, общественная работа... Написано два больших романа — «Блошинный рынок» и «Еще раз о черте». Судьба рукописей неизвестна. Он спешил жить, чтобы скорее вернуться.

«...а уж после смерти-то я точно вернусь.»

И он вернулся, но не сразу. Сначала в сердцах и памяти людей, знавших его лично или его творчество. А потом его «вернули» и официальные структуры. Но путь к возвращению был долгим. 25 лет назад погиб Александр Аркадьевич Галич, и, как говорит его дочь Алена Александровна Архангельская-Галич, причины его гибели до сих пор не установлены. Но память об этом талантливом, добром, бескорыстном человеке живет. И есть люди, которые участвуют в сохранении этой памяти. Еще 4 года назад в день 80-летия со дня рождения Александра Галича почитатель его творчества Сергей Иванов и Алена Александровна совместными материальными усилиями заказали и уста-

новили на доме по улице Чернышевского мемориальную доску: «В этом доме жил и уехал в изгнание великий русский поэт и драматург Александр Галич». Денег хватило на надпись и на то, чтобы процертить на доске профиль отца.

— При установлении этой доски в ваш адрес звучали даже угрозы. Сейчас при установлении барельефа вы уже не встретили подобных препятствий?

— Даже наоборот. Нашелся меценат — доктор технических наук Сергей Владимирович Махов, который дал деньги на бронзовый барельеф. А молодой талантливый скульптор, ученик Кербеля, Александр Чичкин изготовил этот барельеф в двух экземплярах. Один установили на мемориальной доске на Чернышевского, то есть на изображение папиного профиля прикрепили барельеф. А второй мечтаем установить на клалбише Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем. Там на папиной могиле стоит крест и лежит большая плита, место для барельефа есть. Все эти дела, конечно, требуют сил и помощи людей, но мы наелемся, что сумеем поехать в Париж и все осуществить. Папу знают, любят, цитируют, и я считаю, что он заслуживает большего. Здесь умение вспомнить слова Корнея Ивановича Чуковского, который сказал ему: «Саша, попомните мое слово, ваши стихи будут расходиться на слововицы и поговорки». Так оно и вышло. Правда, многие, может быть, даже не знают или не помнят, что это слова Александра Галича — они стали афоризмами.

— Алена Александровна, давайте вспомним некоторые из них...

— «И ночью и днем / Твержу об одном — / Не надо, люди, бояться...». Или... «Не бойтесь сумы, Не бойтесь торьмы, Не бойтесь мора и глада. А бойтесь, единственно, только того, Кто скажет «я знаю, как надо. Не верьте ему, он не знает, как надо».

Смешно, но тем не менее в Государственной думе, в кабинете Жириновского висит огромный лозунг — «Я знаю, как надо».

Александр Галич — автор, казалось бы, не самый простой, но его почему-то причисляют к бардам. А он самый настоящий поэт, как говорит Станислав Рассадин. Папа всегда повторял, что «поэзия — это крик о помощи, и нельзя кричать закрытым ртом».

— Алена Александровна, как вы думаете, что мог бы сказать Галич о нынешнем времени?

— Когда-то, еще при его жизни в Москве, я посмотрела одну из пьес Гельмана и сказала папе: «Знаешь, довольно острая пьеса». Он на меня внимательно и грустно посмотрел и так доверительно ответил: «Это не острая пьеса. Острое — это то, о чем ты боишься даже подумать, но все равно пишешь». У меня сейчас такое ощущение, что мы все-таки медленно погружаемся в болото. Я постоянно задаю себе вопрос — «ну, почему наша страна, каждое поколение оказывается все время в экстремальных ситуациях?!». У папы есть строчки, которые, как мне кажется, очень актуальны и сейчас. «Я закончил эту пьесу весной 56-го года, в тот период, который с легкой руки Ильи Эренбурга получил название «оттепель». Наз-

вание это при всей своей пошлости, как нельзя точно отражает насморочную, хлипкую кутерьму, восторженно-потную неразбериху, которая эту пору отличала. И опять мы, как бараны заблели. Опять радостно ринулись на зеленую травку, которая вскоре оказалась вонючей толькой». И вот, вспоминая эти слова, я думаю: «Боже мой, а ведь мы... то же самое — свобода... равенство... демократия...».

Казалось бы, дети за родителей не отвечают, но это только казалось... После того как Александра Галича исключили из всех Союзов, с Аленой очень быстро расторгли договор в Москонцерте, а в отделе кадров «доходчиво объяснили, кто и что она и ее отец». В Театре Моссовета, где она работала по распределению, обещанных ролей не было, кроме, как вспоминает Алена, «Маман, какая же причина, что рано умерла кузина?». Встал вопрос — «что делать?». И она решила уехать из Москвы в провинциальный театр, в г. Фрунзе, ныне Бишкек. Затем работа во Владикавказе, в Казани, и уж потом Алена возвращается в Москву. В 1983 году именно 19 октября в день рождения Александра Галича (мистика?) у Алены родился сын Павел, который сейчас продолжает династию в искусстве, учится на втором курсе школы-студии МХАТ. А тогда... работы нет, квартиры нет... Знакомые, к которым она обращалась за помощью, молчали или разводили руками. Единственный человек, который пытался помочь, — Анатолий Эфрос, но и он не смог. «Я была согласна на любую ставку, но свободных мест для меня не было».

Как бы ни было трудно, Алена решает бороться за восстановление Александра Галича в Союзах писателей и кинематографистов. Начала с последнего, так как считала его более прогрессивным. Председатель Союза Элем Климов спросил: «А зачем вам это надо?». «Я взяла себя в руки и ответила, что это не столько мне надо, сколько вам всем. Ведь вы все говорите о покаянии, так начните с себя. Положила заявление и ушла».

После долгих звонков и хождений по комиссиям 12 мая 1988 года ночью знакомые кинематографисты радостно сообщили, что Александр Галича единогласно восстановили в Союзе. После этого буквально за три дня произошло восстановление в Союзе писателей, о чем было сообщено в прессе. Справедливость восторжествовала, и благодаря Станиславу Рассадину и Ирине Винокуровой в киноцентре Москвы издается первая книжка Александра Аркадьевича Галича «Возвращение». А дальше вечера памяти с полными залами, программа «Цена прозрения» — истинное возвращение. Из текста магнитофонной записи накануне отъезда из СССР 23 июня 1974 г. — «И поэтом единственная моя мечта, надежда, вера, счастье, удовлетворение в том, что я все время буду возвращаться на эту землю. А уж мертвый-то я вернусь в нсе наверьняка». Самым ценным в жизни для него была свобода.

«Я выбираю Свободу, Быть просто самим собой.»

«Я выбираю Свободу, Я лью с нею нынче на «ты». — «Сколько раз мы молчали по-разному, Но не «против», конечно, а «за»...»

— Алена Александровна, в свое время люди от Галича, а потом и от вас отвернулись. А позднее были такие, которые, как всегда у нас бывает, били себя в грудь и назывались близкими, верными друзьями?

— Таких очень много, я не хочу их называть. Все надеются, что я ничего не помню. Во-первых, папа обо всем мне рассказывал. Во-вторых, я сама видела, как знакомые и коллеги делали вид, что не замечают или переходили на другую сторону улицы. А папа всегда здоровался с людьми первым. Я это очень переживала, дергала его за рукав и говорила: «Ну зачем ты первый здороваться? Не надо». Только один известный сценарист потом честно признался с экрана, что не может себе простить этот поступок по отношению к папе, когда отвернулся при встрече. Люди боялись быть причастными, боялись потерять работу, положение... время было такое. Один близкий папин друг не отвернулся от него, навещал, пытался помочь, но вынужден был спускаться по лестнице из квартиры в войлочных тапочках, чтобы никто не услышал.

В 1972 г. после исключения из Союзов, а вернее, из жизни, у Александра Аркадьевича случается уже третий инфаркт, он получает вторую группу инвалидности и 54 рубля пенсии. Ему запрещены все виды творческой деятельности, в том числе и концертные выступления, сняты с производства фильмы по его сценариям, изъята его фамилия из титров прежних кинофильмов. Но песни он пишет и выступает на частных квартирах. Чтобы выжить, распродает свою библиотеку и порой работает «негром», за деньги правит и дописывает чужие сценарии. Иногда получает денежные переводы на сто рублей от неизвестного отправителя. Как выяснилось позже, этим «меценатом» была жена академика В. Лебедева — Алина Григорьевна, которая создала фонд помощи исключенным литераторам.

— Тем не менее до сих пор звучит реплика — «Галич уехал»...

— Как же это уехал, если ему в 7 дней категорично «предложили» уехать: «Вот вам билет, деньги за вашу кооперативную квартиру, и выкатывайтесь отсюда. Если не успеете за 7 дней, поедете совершенно в другую сторону». У папы была золотая цепочка и золотой крест, которыми он очень дорожил, к тому же крестил его отец Александр Мень. Самолет уже запускаят, а Галича нет, никто ничего не помнит. Ангелину Николаевну — его вторую жену — пропустили, а его все нет... вылет задерживается. И уже когда в комнату досмотря на таможене зашел Андрей Дмитриевич Сахаров, выяснилось, что папу заставляют снять крест, объясняя это пересомом. Папа снимать, естественно, отказался. «Тогда вы не улетите», — сказали ему. «Ну и хорошо», — ответил он. Это длилось около часа, пока туда не вошел Сахаров. И вот тогда завертели вертушки, и в конце концов в телефонной трубке чей-то голос проорал: «Да, выпускайте его быстрее...». По стеклянному переходу «Шереметьево» папа шел один с гитарой в руках. Это был 1974 год.

А за 10 лет до этого, в октябре 1964 года Александр Галич был награжден грамотой КГБ за сценарий фильма «Государственный преступник». Подписал эту грамоту председатель КГБ В. Семичастный.

*«...Я продрог насквозь, на века!
Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.
До сих пор в глазах снега наст!
До сих пор в ушах шмона гам!..»*

В 1969 году в ФРГ была издана первая книжка стихов А. Галича «Песни», в предисловии которой было сказано, что автор — жертва сталинских репрессий, отсидел 20 лет в лагерях. Ему ставили в вину, что он присвоил себе чужую биографию.

— На это папа очень хорошо ответил: «Да если бы я сидел в лагере и пережил то, что пережили другие, я бы мстил, и это было бы всем понятно. А вот то, что я чужую боль принимаю, как свою, это многим понять невозможно».

«...В том, что я написал для публикации, я считаю, что нигде против Бога не согрешил» (из архива семьи). Летом 1993 г. по заявлению дочери поэта А. А. Архангельской Александру Галичу возвращено гражданство.

*«Когда я вернусь,
Я войду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно
соперничать небо.
И ладана запах, как запах
приютского хлеба,
Ударит в меня и затеплится
в сердце моем.»*

25 апреля нынешнего года на мемориальной доске дома по улице Чернышевского установлен бронзовый барельеф Александра Галича.